

АВТОР И ЕГО ПОЗИЦИЯ

П.С. Гуревич

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ИДЕИ ФЕДОРА ГИРЕНКА

Аннотация: в статье анализируется философское творчество Ф.И. Гиренка. Обозначаются основные идеи, которые содержатся в его книгах. Отмечается оригинальность присущей ему философской рефлексии.

Ключевые слова: философия, философская антропология, человек, аутография, язык, сознание, личность, общество, искусство, разум.

1.

Много раз брался за мышку, чтобы откликнуться на книги Ф.И. Гиренка, и каждый раз внутренний цензор начинал роптать. Что я могу сказать об этом замечательном человеке, который выдает себя за бывшего кочегара, а на книжной обложке кокетливо приветствует читателей чуть приподнятой шляпой? Иронизирует, загоняет в эпатаж? Не позволяет применить жанровые критерии? Последние книги Федора Ивановича — «Удовольствие мыслить иначе»¹, «Аутография языка и сознания»² нельзя назвать монографиями. Нет в ней привычного продвижения от абзаца к абзацу. Нет вообще никакой структуры. Формально изложение делится на главы. Вам мнится, будто Вы ухватились за путеводную нить, но тут оказывается, что это несоразмерное деление на главы, параграфы и пронумерованные заметки не имеет ничего общего с обычным академическим подходом к сотворению книги.

Ф.И. Гиренок принципиально несистемен. Он избегает логически сцепленных рядов мысли. Его академическая недисциплинированность обнаруживается в невероятных скачках и парадоксах. Вот он начинает определять свою философскую позицию. Неожиданно предлагает экранизировать философские тексты. Ну, разумеется, издевается над нами, когда сообщает проценты образности в текстах Гегеля и Канта. Рождаются смутное сопротивление: кто считал? где методики? Да и вообще о какой образности идет речь? Итак, Гегель — в режиссерской раскадровке, Платон — в «крупешниках».

Ожидаешь рассуждений о том, как мы разучились мыслить. И вдруг иное — не оскудели ли наши чувства? Нам предлагают дикие страсти, неистовый дионисизм, легко воспламеняющий хворост души. Нас заклинают быть пламенными. И мы начинаем догадываться, что всё это ничто иное, как фильм ужасов о рабочем классе. Не о пролетариате, конечно, а о философии, которой перестали интересоваться не только образованные люди, но даже еврейские девушки.

Опутанные лианами образов, мы уже готовы выстроиться в затылок к этому человеку. Охваченные мусическими предчувствиями, смутной тоской, мы, уже одурманенные, шепчем: «Чаруй, Федя, чаруй!». Но тут неожиданно выясняется, что Ф.И. Гиренок — археоавангардист. Это как-то сразу отрезвляет. Какой пугающий неологизм. Илья Ильф, может быть, добавил бы, услышав это слово: «что-то вроде стригущего лишая». Мы слегка дезориентированы: так «архео» или «авангардист»? Растерянные, думаем: уж не оксюморон ли? Что-нибудь вроде «замшелый новатор». Или, допустим, архаический нанотехнолог. А-то и проще — «ветхий добрый молодец».

Ф. Гиренок не избежал искушения, которое обычно охватывает оригинально мыслящего философа. Создать иной стиль философствования. Преобразить современную философию, которая утратила ритм, экспрессию. Нужны иные драйвы, иной адреналин. Может быть, действительно придать философствованию элементы кинематографической образности и театральной драматургии.

Не растолковав толком, что за новое философское поветрие, Федор Иванович предлагает нам мыслить иначе. Причем сулит райское наслаждение, которое мы получим курьерски и в полном объеме. Но иначе — это как? И сразу некое наитие из «Снегурочки»: «Кто по

¹ Гиренок Федор. Удовольствие мыслить иначе. М., 2008. 235 с.

² Гиренок Федор. Аутография языка и сознания. М., 2010. 247 с.

кустам, а кто по ельничку, Ягодки брали, аукались». Использовать разум не как все — опасная авантюра. Парадокс в духе Лакана: «как не быть безумным» и «как не избежать безумия». Но автор не предлагает нам слушать речь безумия. Он, оказывается, имеет в виду нечто весьма понятное — отказаться от понятийного, эссенциалистского языка, работать с неустоявшимися смыслами, зыбкими значениями. Вот они, новые формы философствования. И даже простое разъяснение из Фуко: «попытка узнать на опыте, как и до какого предела возможно мыслить иначе».

Итак, начнем. У Гиренка написано «знаки на собак не лают». Считаю, это лучшим афоризмом 2010 года. Во-первых, неожиданно и парадоксально. Знаки, как известно, не способны обляять даже лучших представителей оппозиции. А во-вторых, это самое точное апофатическое определение знака. Не лают, потому что знаки выражают конкретный предметный смысл, который не спугнешь собачьим тьяканьем.

Федор Иванович заведомо отказывается от логически выверенной и унылой мысли. Он уподобляет себя сплавщику леса, который в исканиях смысла прыгает с бревна на бревно. Но мы пока не на строптивой реке. И не на спектакле, где звучит опера С. Монюшко «Сплавщик леса». Милые плотогонцы танцуют краковяк, а мы следуем за изложением Ф.И. Гиренка.

На возглавляемой мной кафедре психологии работала одна пожилая женщина. Она постоянно, где надо и не надо, высокомерно повторяла: «Я — ученица Льва Семеновича Выготского». Нам это надоело и однажды мы с долей раздражения спросили ее: «А Лев Семенович догадывался о том, что Вы его воспитанница?» Вот и я тоже обнаружил готовность вступить в партию археоавангардистов. Даже получил внутреннее согласие на выплату членских взносов. Только где записывают — неизвестно. Впрочем, достаточно, наверное, ощутить себя единомышленником. Со мной это случилось. Однажды на институтском собрании я услышал, что некий анонимный автор, только что выпустивший книгу, отрицает значимость истории философии. Выступавшая сказала, что в разговоре с одним иностранцем зашла речь об этой книге, содержащей некую крамолу. И тогда собеседник выступавшей будто бы спросил:

— И вы подаете такому человеку руку?

Я как-то сразу догадался, что некий автор, поднявший руку на столь почетную философскую специальность, как история философии, — это Федор Иванович Гиренок.

Проследивая движение авторского замысла в книгах этого философствующего литератора, прихожу к изумлению: никакой безоговорочной критики

истории философии у него нет. Речь идет лишь о сопротивлении тем исследователям, которые увлечены коллекционированием имен, названий трудов, общих философских позиций. Иначе говоря, против философствования. Беда в том, что философия продолжает мыслить мыслимое, встретившись с немислимым. По мнению Ф. Гиренка, чтобы кристаллизовались смыслы актуального, требуется не Фрейд, не психоанализ речи, а визуализация и театрализация невозможного, то есть внутреннего опыта.

Неужели из книг Ф. Гиренка можно вычитать мысль о том, будто он критикует обращение к философским именам прошлого? Но ведь он отмечает, что когда Мамардашвили читает Канта, он страшно далек от профессии историка. Для него Кант — не текст, а набор метафор, универсальная индивидуальность. Если Делёз пересказывает Лейбница, то не потому, что он историк философии. Он философ, то есть пионермичуринец, который делает прививки одного смысла к другому, заставляя Лейбница говорить не то, что он сказал, а то, что подумалось Делёзу. Философию распознают только философией, а не историей. Понятно, что автор протестует лишь против того, чтобы сообщение о философии, ее каталогизацию не считали лучшим образцом философии.

Ф.И. Гиренку, естественно, не хотелось бы обрести ярлык ниспровергателя истории философии или постмодерниста. Поэтому Ф. Гиренок специально упреждает читателей: он не сторонник постмодернистской философии без субъекта, без истины, без реальности, без сущности.

Дочитав книги Федора Ивановича, вспоминаю реплику на институтском собрании, изложенную ранее. Подам ли я автору руку при встрече? Увы, встречаемся, мы крайне редко. Но если и обмениваемся рукопожатиями, то я не просто жму руку, а делаю это с энергией единомышленника.

2.

В чем же это единомыслие? Понятное дело, мыслить не означает рассуждать в полсилы. Настоящее размышление требует предельного напряжения. Нельзя думать в пол-ума. Оценивая вклад постмодернистов в современную рефлексию, Гиренок отмечает, что они научили нас различать мыслящее и разумное. Разумное не значит мыслящее. Вообще говоря, до постмодернистов к этому суждению пришли экзистенциально настроенные психологи. Р. Лэинг, к примеру, писал о том, что шизофреник может быть действительно безумным. Он сошел с ума? Но он не болен. Мы должны помнить, что живем во времена, когда смещается фундамент и потрясаются основы.

Разум как некий дар способен остановить мысль, подорвать ее беспокойствие. Когда человек сходит с ума, происходит глобальное смещение его позиции по отношению ко всем областям бытия. Является ли отход от разумности простым следствием патологического процесса? По-видимому, нет. Так же как человека мы постигаем в его предельных состояниях, так и мысль принимаем в ее надрыве. Быть разумным — не значит мыслить.

Далее, оценивая вклад постмодернистов в философию, Ф. Гиренок отмечает, что в пространстве предела мышление носит не понятийный, а парадоксальный характер. «Постмодернизм, — пишет автор, — это не мода, которая приходит и уходит. Это отчаянный жест европейских интеллектуалов, открывший нам новый горизонт мысли. Лишь самые безнадежные поклонники рациональности все еще продолжают строить систему, лишённую противоречий. Они ищут то звено в цепи знания, которое превратит их знание в систему. Мы же ищем то, что не позволяет системе стать системой»³.

«Бред полноценной смысла». Эти слова принадлежат Лаэрту, персонажу «Гамлета». Сегодня многие говорят и пишут о безумии человека. Грандиозное разочарование в Адамовом потомке произошло не сразу. Психиатры XIX в., естественно, все еще были великовозрастными детьми эпохи Просвещения. В тот период, по словам немецкого писателя Стефана Цвейга, эпоха кичливо тешилась разумом и потому полностью лишила себя интуиции. Просветители объявляли бреднями все, что нельзя ухватить пинцетом и вывести из тройного правила. Все, что нельзя постигнуть органами чувств, просветители нарекли несуществующим. Эта сверхумная эпоха вытравива церковную веру, но смогла ее истребить. Просто загнала ее в какие-то другие закоулки⁴.

Вот почему классики психиатрии так тщательно огораживали разум от неразумия. Люди еще в начале минувшего века надеялись, что разум своей всепроникающей мощью устранил зло современного мира. Первая мировая война развеяла эти иллюзии. Оказалось, что человечество было вовлечено в бойню, которую не хотел ни один народ. Однако война разразилась, показав, что человеческий род вполне может истребить сам себя. Это едва ли не первое провозвестие грядущего апокалипсиса. Какое зловещее открытие минувшего столетия! Человек, оказывается, поступает безотчетно, не соотносясь с резонами разума. Его психика — просто огромное вместилище полуосознанных тревог,

вязких страхов. Достаточно пустячного повода — и ужас охватывает все существо человека.

Выходит, не зря психиатры предупреждали о возможном вырождении Запада? Обнаруживая дикую корчи разума, они своевременно возвысили свой голос против мистического беснования, болезненного воображения, хронического воспаления Эроса. Они ратовали за строгое и взыскательное соблюдение психологической нормы.

Однако подорванность разума обнаружилась совсем не там, где ее выявили психиатры. Крепости рассудка рухнули не потому, что люди не стали соблюдать каноны интеллектуальной трезвости. Как раз наоборот. Источник умоисступления выявился в этом очищенном идеале мыслительной чистоты и непорочности. Психиатры не успели осознать, что лучшие сорта безумия вырабатываются из разума. Пыль безрассудства они выбивали вручную, в соответствии со стихотворной строчкой И. Бродского: «Вручную стряхиваешь пыль безумья».

«Непрерывная и настойчивая сосредоточенность на рациональности, зародившаяся в семнадцатом веке, — пишет Джон Сол, — дала неожиданный результат. Постепенно разум начал дистанцироваться и отделять себя от других — так или иначе признанных — характеристик человека — духа, инстинктивных потребностей, веры и эмоций, а также интуиции, воли и самое главное — опыта. Это постоянное выдвигание разума на передний план продолжается и в наши дни. И оно уже достигло такой степени дисбаланса, что мифическая важность разума затмила все другие категории и едва ли не поставила под сомнение их важность»⁵.

Отыскивая угрозу в лжеверии, психиатры все еще запоздало уповали на разум. Оплакивая тектонические сдвиги истории, надеялись на возможность ее скорого выпрямления. Раскрыв в человеке его врожденную деструктивность, рассчитывали на его благоразумие. Они были готовы пожертвовать целым поколением писателей, поэтов, художников, композиторов, лишь бы спасти чудодейственный дар человека — разум. Находясь под наркозом этого убеждения, психиатры не спасали Европы, а множили безумие. Переубедить их было сложнее, чем королю Лиру перекричать бурю.

Человек не уступает Вселенной в обилии процессов грандиозного распада и разрушения. Герои Шекспира размышляют о том, не является ли безумие гарантией от сошествия с ума. Шекспировский Эдгар восклицает: «Какая смесь! Бессмыслицы и смысла

³ Гиренок Федор. Удовольствие мыслить иначе. М., 2008. С. 7.

⁴ Цвейг Стефан. Собр. соч. Т. 6. С. 44-45.

⁵ Сол Джон Ролстон. Ублюдки Вольтера. Диктатура разума на Западе. М., 2007. С. 23.

вместе!» Поэты и философы начинают думать о том, что же такое безумие и чем оно губительно. «Не дай мне, Бог, сойти с ума, уж лучше посох и сума». Безумие страшит, завораживает, вызывает душевный столбняк.

В фундаменте того, что написано Ф.И. Гиренок — основательная осведомленность в том, что написали философы и поэты. Однако автор книг ничего не пересказывает. Скандально, что в его работе по сути дела нет цитат. До первой отсылки я добрался только на 74 странице. А через сто страниц крайне редкие сноски опять исчезли. Как же так? Где же многознание, академическая компетентность? Лично я не умею писать без посторонней поддержки. Вот, пожалуйста, Аркадий Бухов: «Человек, пытающийся что-либо доказать без цитаты, похож на ветряную мельницу без крыльев: кто ей поверит, что она размалывает муку, когда ей нечем махать»⁶.

Читая Ф.И. Гиренку, понимаешь, что он знаком и с Лаканом, и Делёзом, и К. Метцем. Лакан, к примеру, считал, что сон не покидает нас, даже, когда мы бодрствуем. Во сне, по его мнению, реальность воспринимается как образ, отраженный в зеркале. Ф.И. Гиренок отмечает: «Наши сны не столько говорят, сколько актуализируют невозможное, пересекая пределы внутреннего опыта»⁷. Нам известно, что означаемое может оторваться от означаемого, пуститься в невероятную авантюру приключений.

Поражаюсь свободе выражения, которая присуща Ф.И. Гиренку. Вот он приглашает нас поразмышлять о философии и ее предназначении. Еще и о ее специфике. Мы уже подготовили обсуждать тезис Гегеля о философии, которая является духовной квинтэссенцией эпохи, а нам задают вопрос: грусть — это мысль или не мысль? Наверное, именно так Сократ сбивал с толку своими вопросами полоротых торговцев на базаре. Мы отвечаем с полной убежденностью: не путайте, коллега, напряжение мысли и эмоциональное настроение. Между тем у Пушкина великий феноменолог чувств по фамилии Моцарт говорит Сальери буквально следующее:

*Намедни ночью
Бессонница меня томила,
И в голову пришли мне две-три мысли.
Сегодня я их набросал.*

Ну, прямо профессор с кафедры философской антропологии. А Сальери тоже вроде стажера на этой кафедре. Он рассуждает:

Какая глубина!

Какая смелость и какая стройность!

Что они себе позволяют, эти два композитора? Разве у чувства есть стройность, организованность? Зачем тут Моцарт и к чему ему Сальери? Давайте лучше почитаем Федора Ивановича: «Грусть — это не мысль, это настроение, которое объясняется не указанием на какую-либо реальность вне ее, а аутистическим самовоздействием, раздражением себя. Для того чтобы себя раздражать какой-то галлюцинацией, нужно сознание. То есть грусть разворачивает себя в плане событийности и одновременно в плане сознания. Оно и событие, и сознание события. А это значит, что грустить — не значит мыслить. Но чтобы мыслить, нужно грустить. До сознания нет события грусти. А без эмоции нет сознания»⁸.

Был такой фильм, он назывался «За мной, каналы!». Хороший образ, не правда ли. Итак, за мной, археоавангардисты!

3.

Мировоззренческая потребность изначально присуща человеку. Она сохраняет свою силу и при распаде сознания. Однако «схождение с ума» становится притягательным и начинает играть с рассудком, не боясь его потревожить. Исследователи открывают неизведанные ярусы сознания и приступают к их освоению. Оказывается, многие метафизические темы непосредственно подводят к краю сознания. Разве не кажется эксцентричной идея физиков о «разбегающихся галактиках»? Или мысль австрийского психиатра З. Фрейда о происхождении человека из акта отцеубийства? А идея трансперсоналистов об омывающем нас «мыслящем океане»?

Философы и психологи все чаще начинают подчеркивать ограниченность разума и его неспособность быть ориентиром поведения в ситуации вселенского вздора. Наконец, в постмодернизме обнаруживается неумеренное увлечение алогичностью. Но ведь бесспорно, что человек является единственным на свете существом, которое может жить в ситуации абсурда. Именно по этому поводу Лакан определил различие между нормой и патологией. Он считал нормой хорошо компенсированный невроз. Да, нас томит каждодневная абсурдность. Но нам удаётся кое в чём её компенсировать.

Без философско-антропологической мысли здесь не обойтись. Человек выступает и как форма жизни,

⁶ Бухов Аркадий. Антология Сатиры и Юмора России XX века. М., 2005. С. 560.

⁷ Гиренок Ф.И. Удовольствие мыслить иначе. М., 2008. С. 11.

⁸ Там же. С. 22.

и как общественное существо, и как мыслящее создание, и как дух. Он не животное, но он и не ангел. Искусство как раз и призвано отразить все эти метаморфозы человеческого существования. Стремление к постижению целостности человеческого бытия, разумеется, просматривается во все века. Однако в силу логики культурно-художественного процесса увлечение отдельными гранями человеческого бытия неизбежно. Для тянущегося к Богу человека средневековья теряет свою значимость завораживающая человеческая плоть. Для Ницше, оскорбленного всевластием рационалистической традиции, витальность человеческого существа, напротив, становится безоговорочной ценностью.

Итак, пифия надыхалась ядовитыми испарениями и начала выдавать прекрасные философские тексты. Ее выкрики не дают нам возможности стать жертвой диктаторской мысли. Они рожают чувства, окликают воображение, насилуют интуицию. Между прочим, какая глубина, какая смелость и какая стройность. Всего-то две-три разъединенных мысли, а сколько разбуженных наитий! А может быть, все это безумие, наркотический эффект, склавший логику? Нет, — отвечает Гиренок, — «пифия удерживает себя в мысли, а греческие философы пытаются удержать мысль»⁹. И еще: «Вот, например, Пифия. Она, без сомнения, имеет отношение к мысли, воспроизведя ее в себе. Но разве она мыслит? Пифия разогревает свою самость до светоносного состояния, до утраты различия между своим телом и чужим, до неразличимости сна и яви, до уподобления идеи и материи. Она предоставляет себя тому, что через нее говорит. Ею говорит само бытие или сам бог, что одно и то же»¹⁰.

Так вот: именно разум, освобожденный от воображения и интуиции, рождает безумие. Смысл проблемы целостности человека заключается не в том, что всадник без головы — некий вызов теме человеческой полноты и завершенности. Попытка через разум раскрыть целостность человека оказалась химеричной. У человека есть страсти, воображение, воля. Они также могут претендовать на особую роль в авантюре человеческого преобразования. Давайте на минуту представим, что у человека есть разум, но нет эмоций, мира разнообразных чувствований. Такое существо оказалось бы обреченным.

Крах классического рационализма очевиден. С лучшими намерениями, но с наивным недостатком реализма, рационалист воображает, что небольшой

дозы разума достаточно, чтобы исправить мир. Со знательный человек в одиночку борется с превосходящими его силами. Мы еще в начале века надеялись, что разум своей всепроникающей мощью устранил зло современного мира. Первая мировая война развеяла эти иллюзии. Оказалось, что человечество было вовлечено в бойню, которой не хотел ни один народ. Однако война разразилась, показав, что человеческий род вполне может истребить сам себя. Это было едва ли не первое провозвестие грядущего апокалипсиса.

Бетховен писал: «Музыка должна высекать огонь из человеческих сердец» А философия? Ей действительно не хватает эмоций и фантазий. Юнг в этом случае сказал бы: мы, люди, в долгу перед эмоциональной функцией. Хорошо поработали с мыслительным материалом, отточили рациональность. Но потеряли кураж, создали философствование, которое по определению страдает скорбным бесчувствием. А антипод всему этому — авангардист, восстанавливающий связь с прошлым. Но речь-то в сущности идет о другом. Преодолеть иссушающую душу рациональность, преобразить исходную силу мысли за счет гештальтной человеческой психики.

Ф.И. Гиренок весьма восторженно относится к воображению, этому щедрому дару, который во многих отношениях, видимо, не уступает разуму. В африканских культурах культ разума отсутствовал. Как свидетельствуют этнографы, существовала специальная практика, которая блокировала деятельность левого полушария и помогала инспирировать воображение¹¹. В принципе можно себе представить культуру, выстроенную по лекалам фантазии. Более того, очень похоже, что современное человечество устремилось именно к этому идеалу.

Приходится признать, что сам вопрос о преобразении человека в истории человечества, равно как и в истории философии, возникает не впервые. Грандиозная радикальная трансформация гоминида прежде, связана с процессом превращения животного в человека разумного. Разве человек явился в этот мир с готовым набором человечности, разума и социальных качеств? Эта тайна грандиозного преобразования, мучившая, к примеру, К. Ясперса, еще не в полной мере освоена философской антропологией.

«Человек — не просто разновидность животного; но человек и не чисто духовное существо, о котором мы ничего не знаем и которое в прежние времена мыслилось как ангел. Скорее следовало бы сказать,

⁹ Там же. С. 24.

¹⁰ Там же. С. 23.

¹¹ Андреев И.Л. Концепция мозгового шасси // Психология и психотехника. 2011. № 6 (33). С. 49-64.

что человек — это нечто единственное в своем роде. Отчасти он принадлежит к разряду живых существ, отчасти к разряду ангелов, но отличается как от тех, так и от других. Богословие и философия во времена высказывались в пользу особого положения человека; оно было поставлено под сомнение лишь в период господства позитивизма. В проявлениях своего наличного бытия человек может уподобляться животным, в основах своей природы — Божественному как трансценденции, которая, как он знает, есть источник его свободы»¹², — писал К. Ясперс.

Нельзя не принять во внимание еще одно философское озарение Ф. Ницше о том, что человек есть еще не завершённое животное, которое получило детальную разработку в немецкой философской антропологии начала XX века. Человек — это открытая возможность; он не завершён и не может быть завершён. Поэтому человек всегда больше того, что осуществил, и не тождествен тому, что он осуществил. Это мысль К. Ясперса, логично вытекающая из работ философских антропологов.

Если бы у человека не было разума, он не смог бы создать науку, философию. Но есть еще один благословенный дар у Адамова потомка — воображение. Так в философии и психоанализе называется способность человеческой психики формировать новые чувственные или мыслительные образы и идеи на основе преобразования впечатлений, полученных от реальности, от прошлого; способность вызывать в сознании и произвольно сочетать образы предметов и событий. Психология рассматривает воображение как составную часть творческого процесса.

Поэтическое воображение, считал Платон, возбуждает в нас страсти, которые «следовало бы держать в повиновении», ибо они «орошают то, чему надлежало бы засохнуть». По мнению философа, воображение не в состоянии породить образ подлинной красоты. Этот идеал может быть возрожден лишь путем «припоминания» предыдущих состояний души. Платон, признавая воображение самостоятельной духовной способностью, оценивал его отрицательно, поскольку именно оно является истоком ложных, иллюзорных образов. О поэтах Платон писал так: «... поэт — это существо легкое, крылатое и священное: и он может творить лишь тогда, когда делается вдохновенным и иступленным и не будет в нем более рассудка...» Тогда божественная сила изливается на него и он становится вещателем, пророком, средним звеном между богом и людьми. Таков и актер в театре¹³. В «Федоне»

Платон замечает, что «поэты без конца твердят что мы ничего не слышим и не видим точно»¹⁴.

Однако в античной философии существовала и позитивная оценка воображения. Она была свойственна в основном поэтике и риторике, трактовалась как источник возвышенного. На закате античности появились попытки преодолеть посредством воображения подражательную трактовку искусства. Филострат Афинский в «Жизнеописании Аполлония» оценивает подражание как низшую по отношению к фантазии способность, поскольку подражание может воссоздать лишь увиденное, а фантазия — то, что никогда не было увиденно. Христианство Средневековья сохранило за воображением определенную роль в духовном мире человека. Августин Блаженный считал, что воображение компенсирует неполноту наших ощущений. Он писал о том, что воображающей «душе дозволено из доставленного ей ощущениями порождать то, что не достигло целиком органов чувств». При чтении Библии воображение помогает представить события Священной истории. Однако их интерпретация возможна только при помощи разума.

Современная философия, отмечается в книге «Удовольствие мыслить иначе», нуждается не в опыте, а в воображении, потому что опыт линейно упорядочен, вербально выразим. Воображению нужна галлюцинация, вневременная одномоментность, что не раскладывается в последовательности знаков. И далее: мир — это не текст, а объективированная галлюцинация.

Неудовлетворенные желания есть движущиеся силы фантазии. Многие философские антропологи полагали, что в фантазии заключены все возможности действительности. Поэтому человека было бы правильнее характеризовать как «фантазирующее существо», а не как носителя разума. Г. Башляр призывал расковать шизофренические возможности психики. Воображаемые миры определяют глубокие связи грез. Предел мысли, согласно Гиренку, в немислимом, в безумном, или, как хорошо сказали обэриуты, в заумном. Поэтому история философии — это не история ума, а археография связей опыта и воображения, ума и безумия¹⁵.

Федор Иванович, разумеется, парадоксалист. Именно поэтому, читая его работы, хочется зацепиться за его любую фразу, за каждое философское измышление или парадокс. Но при этом он способен на узком интеллектуальном пространстве прописать каждую мысль, придав ей относительную неопровержимость

¹² Ясперс К. Общая психопатология. М., 2007. С. 40.

¹³ Платон. Собр. соч. В 4 т. Т. 1. М., 1990. С. 377-378.

¹⁴ Платон. Собр. соч. В 4 т. Т. 2. М., 1993. С. 16.

¹⁵ Гиренко Федор. Удовольствие мыслить иначе. М., 2008. С. 14.

и внутреннюю энергию. Он пишет это с такой убедительностью, что его ученики искренне убеждены: понятие «антропологическая катастрофа» ввел он, Федор Иванович Гиренок. Об этом и оповещают мир его студенты и аспиранты.

Судя по всему, именно М. Шелер заявил о том, что человек для самого себя стал проблемой. В работе «Человек и история» он писал о том, что человек оказывается проблемой для самого себя, когда задает себе вопрос о смысле собственного существования, границах своего бытия, об отличии от себе подобных, от всех живых существ. Но в чем же источник проблемы? Ф.И. Гиренок пишет: знание природы своей тяжестью раздавило мировую иерархию. Человек лишился привилегий. Он сам себя их лишил. И вот уже нет ни верха, ни низа, ни начала, ни конца. И место человека не определено. Он потерял свою сущность, то, что от Бога. Что не нуждается во времени. Поэтому он стал испытывать нужду во времени. Погрузился в сферу субъективного, временного, непрочного. Вся эта временность человеческого существования была предъявлена человеку экзистенциалистами¹⁶.

Можно ли определить человека? Нет, окончательное суждение о человеке также невозможно. Человек обладает открытой природой. Он находится в аванюре самораскрытия. Все определения связаны с сущностью, «с как бы определенной бесконечностью, а ведь эту бесконечность еще надо пройти. Человеку еще нужно жить. Поэтому экзистенциально человек хватается, как за соломинку, за «здесь и теперь»¹⁷.

По этой причине спешу кляузно сообщить в деканат философского факультета: Ф.И. Гиренок под видом своих плановых философских трудов описывает собственные (вы только подумайте!) эмоциональные состояния». Он пишет: «Вот и я пошел по странным следам искусства. И пришел в Малый театр. К Ю. Соломину. На премьеру «Трех сестер». Я хотел найти странного художника, а нашел измученных борьбой за жизнь профессионалов средней руки. Глядя на артистов, я думал о том, что, будь я работодателем, я бы повысил им зарплату, ввел надбавки за вредность труда и улучшил бы их жилищные условия»¹⁸.

Постойте, уж не перепутал ли я, под воздействием испарений, рецензируемые книги. Только что речь шла о том, что философия не может быть

больше такой, какой она еще была в прошлом столетии. Толковалось про то, что философия не отражает мир, а изобретает его. И вдруг автор, как Евгений Онегин, разглядывает актеров через лорнет и размышляет об их окладе жалованья. Да нет, оказывается, я все еще в пространстве той же книги. Только автор вдруг перестал обращать внимание на собственный текст. В одном случае он завершил раздел «О жизни» выразительным резюме. В другом случае, толкуя о русской философии, он поместил некоторые обобщающие мысли (резюме) в середину раздела. А потом и вообще отступил от нужного правила: «подведем итоги, пока итоги не подвели нас». Никаких «итого» в сводной финансовой ведомости. Разговор вообще пошел о литературе. Тут и Толстой, и Бунин, и Платонов. Потом автора озаботила судьба России. Затем Ф.И. Гиренок нас немного попугал и закончил книгу небольшим параграфом «Почему я пессимист».

Я ожидал интроспективных откровений. Но дождался лишь: «я не верю в исторический прогресс»¹⁹. Между прочим, я тоже не верю в это самое. И это служит для меня источником сдержанного оптимизма. Но я поражаюсь свободоречию Федора Ивановича. Он ведет нас через собственную книгу, теряя проложенные тропинки, избегая меченых зарубок, не заглядывая в оглавление.

И вместе с тем книга Ф. Гиренка не только полемична, в ней содержатся весьма глубокие, нетривиальные мысли. Адекватным состоянием человека может служить только одиночество, — утверждает он. Совсем по Шопенгауэру. Однако немецкий философ полагал, что изоляция от филистеров побуждает к свободному творчеству. А у Федора Ивановича: «Только между одиночками может быть настоящее общение, потому что у одинокого есть вся полнота бытия. В силу этой полноты он радуется другому, если он есть, и радуется, если его нет. Чтобы быть самим собой, надо быть одиноким. Свободно говорит только тот, кто говорит наедине с собой»²⁰.

И сразу вспоминается известное: «Люди иногда собирались все вместе, чтобы еще острее почувствовать свое одиночество».

4.

Ф.И. Гиренок пишет: «Есть тот мир и этот. Непобесный и земной. Все, что ведет человека на небо, называется красотой. Если бы не было красоты, то ему было бы скучно и одиноко. И он заблудился бы среди

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 42-43.

¹⁸ Там же. С. 142.

¹⁹ Там же. С. 232.

²⁰ Там же. С. 31.

земных проблем. Потерял бы веру. Потому-то красота и спасает мир»²¹. Но как узнать, что красиво, а что безобразно? — этот вопрос задает Федор Иванович и отвечает: «Очень просто».

Но точно ли просто? Вот американский фантаст Роберт Шекли издевается над нами. Землянин попадает на другую планету и поражается красоте инопланетянки: «Марвин заметил, что она красива. Миниатюрная, ему едва по грудь, но сложена безукоризненно. Брюшко подобно точеному цилиндру, гордая головка наклонена к телу под углом пять градусов (от такого наклона щемило на сердце). Черты лица совершенны, начиная от милых шишечек на луб и кончая квадратной челюстью. Два яйцеклада скромно прикрывает белый атласный шарф покроя «принцесс», обнажая лишь соблазнительную полоску зеленой кожи. Ножки в оранжевых обмотках, подчеркивающих гибкие сегменты суставов».

Дама грациозно помахала лапкой. От ее красоты у Марвина пересохло в горле и зачистил пульс. Он поймал себя на том, что не сводит глаз с белого атласа, скрывающего и оттеняющего высокие яйцеклады. Он потупился и поймал себя на том, что разглядывает сладострастное чудо — длинную членистую ногу. Густо краснея, он заставил себя смотреть на сморщенную родимую шишечку на лбу»²².

Вдруг обнаруживается, что красота не так безупречна, чтобы вести нас только в мир неземной. «Дьявол хочет пользоваться красотой для своих целей». Так думает В.С. Соловьев и в «Повести об антихристе» наделяет того обольстительной красотой. В.И. Самохвалова размышляет о том, откуда идет многообразие мотивов для разрушения красоты. Это может быть и месть за собственную ущербность, и как принесение жертвы.

Сама идея красоты обесценилась. Когда-то она являлась высшей целью художественного вдохновения. Но сегодня в моде безобразное. Н.А. Бердяев полагал, что безобразное возникает, поскольку подвергает искажению первоначальный замысел о предмете. В то же время, по Бердяеву, красота и вовсе может совпадать с безобразным; красота как онтологическое понятие, пишет он, может не совпадать с добром как понятием моральным, и потому «красота может переходить в свою противоположность как всякое начало, оторванное от источника света»²³.

²¹ Там же. С. 55.

²² Шекли Р. Обмен миров // Собр. соч. М., 1994. С. 158.

²³ Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // Бердяев Н. О назначении человека. М., 1993. С. 131.

Человек двусоставен — он физиологичен и духовен. Утром он съел яичницу, запил пивом и побежал на конгресс, где обсуждается проблема духовности человека. И вот как рассказывает об этом Дина Рубина: «Однажды на исходе субботы мы с Борисом видели ортодоксального бородача нечеловеческой красоты; он стоял, подпирая плечом фонарь, и глядел в вечность. Когда мы проходили мимо, он икнул, рыгнул и произнес на полу-выдохе, полу-стоне: «О, бля-а-а!»».

Постоянно углубляющийся опыт рационалистического постижения жизни и кошмарное нежелание реальности укладываться в этот опыт. Неиссякаемый поток творчества, рождающий разрушение. Томление по красоте, избыточно переходящее в манку безобразного. Бесконечность творения и предельность человеческой жизни. Как сохранить трезвость мысли внутри этих парадоксов?

5.

Социальные психологи прямо-таки устали, создавая культ личности. Они придумали для нее массу неоспоримых достоинств — социализированность, мудрость, духовность, ответственность. Некоторые исследователи (Д.А. Леонтьев, В.М. Розин) предлагают переформулировать проблему: не кто есть личность, а что есть личность. В этом случае предполагается не отделение «чистых» от «нечистых», а анализ тех признаков, особенностей, которые в своей совокупности дают некое качество человека, называемое личностью. «Личность — это такая инстанция в человеке, которая обеспечивает самостоятельность его поведения»²⁴. Сразу надо отметить, что такое определение нельзя признать четким. Как, вообще говоря, измерить самостоятельность поведения, когда каждому человеку приходится каждодневно решать собственные жизненные проблемы и определять свои поступки?

Иногда слово «личность» используется как повод для обозначения структуры психического мира. В этом случае обращается особое внимание на иерархию слагаемых человеческой субъективности (З. Фрейд). Нередко личность помещается в контекст ее собственного развития. Тогда на первое место выдвигается проблема динамики, изменения, роста (Д.И. Фельдштейн, А.Г. Асмолов и др.). Но как совместить эти разнообразные подходы? Д.А. Леонтьев критикует различные мифы и предрассудки, которые сложились при анализе личности. Эти трафареты, по

²⁴ Розин В.М. Кризис личности как отражение кризиса культуры // Мир психологии и психология в мире. 1994. С. 28.

его мнению, бытуют в обыденном, в обывательском сознании и порой в научно-популярной литературе. Они опираются на свойственную почти каждому человеку потребность в простоте. «Единственный их недостаток — они имеют мало общего с действительностью. Подобно пародиям и шаржам, они выхватывают одну черту из картины реальности и раздувают ее до максимальных размеров, а остальное игнорируют»²⁵.

Д.А. Леонтьев предлагает собственное понимание проблемы, которое, на мой взгляд, весьма спорно. Он считает, что «личность — не оценочная категория, личность присуща каждому человеку, по крайней мере, начиная с определенного возраста. Только так можно говорить о личности как о предмете научного познания»²⁶. Но ведь понятие личности и в западной, и в отечественной философии всегда рассматривалось как оценочное. Как вообще могла бы сложиться персоналистская тенденция в философии, если бы христианство не выставило понимание личности именно как некоего ценностного идеала? Немецкий философ Ф. Шлейермахер подчеркивал: каждый человек должен на свой лад выражать человечество²⁷. Именно эта оценочная соотнесенность человека с человечеством и отражает понимание личности в философии и психологии. Личность — это предельное выражение человеческого в индивиде. Безусловно, это оценочная категория.

Но насколько бесспорны эти положения? Если личность присуща каждому человеку, то почему вдруг она оказывается продуктом исторического развития? По логике этих положений можно утверждать, что когда-то человек не был личностью, а стал ею в процессе общественной динамики. Но как совместить это с первым утверждением?

Итак, термин «личность» употребляется в различных значениях. «Личность» может обозначать то же, что «индивид», т.е. отдельно взятый человек. Иногда под личностью понимается часть внутреннего мира или особенности психической структуры. Это и совокупность общественных отношений, и недостижимый идеал, и нечто, данное от рождения. Каждое направление психологии, философии, социологии стремится дать свое определение. Но если мы говорим о личностном росте, то предполагаем, что личность нуждается в развитии и становлении. Юнг определял личность как «способную к сопротивлению и обладающую силой душевную целостность».

²⁵ Леонтьев Д.А. Очерк психологии личности. М., 1997. С. 7.

²⁶ Там же. С. 9.

²⁷ Немецкие романтики. СПб., 2003. С. 40.

Теперь читаем у Ф.И. Гиренка: «Человек существует как человек не потому, что есть общество. А общество существует не потому, что есть люди. Социум и человека можно описывать вне зависимости друг от друга. Как нечто самодостаточное»²⁸. Маркс и плеяда марксистов при такой направленности мысли отдыхают. Нудильность общества оскопляет человека. Личности мнится, будто она обогащена общественными связями, предельно социализирована, здраво и ответственно приветствует окружающую действительность. А как же иначе? Тот, кто не может приспособиться к наличной среде, скорее всего, нон-конформист, психопат. Личность не желает себе этого позволить. Она социализирована и этим отделена от преступников, бомжей и маргиналов.

А если общество предлагает шизореальность? Если социальная жизнь перегружена абсурдом? Если всеобщее согласие постыдно? Не пора ли снять грим с личности?

В «Литературной газете» была напечатана статья о том, что мы поразительно равнодушны к судьбе маргиналов, бомжей. Предлагалась организация ночлежек, столовых для бедствующих и бездомных. Такая постановка вопроса справедлива. Но у темы есть и иной аспект. Число социальных изгоев во всем мире растет в пугающей прогрессии. И вот парадокс: многие маргиналы вообще не хотят жить в социуме. Они убегают из ночлежек к кострам, дезертируют из ухоженных мест. Социологи пока скупко комментируют этот парадокс. Но ведь это как раз своеобразная реакция людей на общественные пути. Вспомним Пушкина: «Мы дики, нет у нас закона». Хорошо отлаженный быт, предустановленные общественные узы тяготят людей. Они протестуют против элементарных социальных правил, с удовольствием их нарушают. Культурные антропологи пугают нас неожиданным открытием. Оказывается, первобытные люди неохотно сбивались в группы, племенные стаи. Возможно, человек вообще не коллективист по определению. Платон, понятное дело, не мог в полной мере разглядеть эту проблему. Он, как и Аристотель, полагал, что человек — социальное животное.

Ф.И. Гиренок подмечает: наращивание социальной мощи реализуется как раз за счет измельчания, обесценивания личности. Социальность как бесспорная привилегия личности вызывает реальные сомнения. Ж. Бодрийяр тоже показывает, что два столетия усиленной социализации человека обернулись очевидной неудачей. Мы становимся очевидцами и участниками

²⁸ Гиренок Ф.И. Удовольствие мыслить иначе. М., 2008. С. 38.

феномена, который демонстрирует «истощение и вырождение социальности».

Парадоксы Ф. Гиренка не эпатируют. Они выражают напряженность мысли. Когда критиковали Шопенгауэра, то тоже ссылались на огромные возможности социума, обогащающие человека. Однако чем хуже становится человек, тем лучше оказывается общество. Социум становится гуманным, чело-

век — социальным. Антропологическая катастрофа лишает нас субъективности, превращая ее в нечто виртуальное. Вот почему человек прежде всего для себя самого стал проблемой. Сознание испарило душу, умертвило инстинкты, чувства и эмоции. На их месте остались «вмятины», антропологические пустоты. Но так сказал не Заратустра. Сами понимаете, кто.

Список литературы:

1. Андреев И.Л. Концепция мозгового шасси // Психология и психотехника. 2011. № 6 (33). С. 49-64.
2. Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // Бердяев Н. О назначении человека. М., 1993. С. 131.
3. Гиренок Федор. Удовольствие мыслить иначе. М., 2008.
4. Гиренок Федор. Аутография языка и сознания. М., 2010.
5. Леонтьев Д.А. Очерк психологии личности. М., 1997.
6. Немецкие романтики. СПб., 2003.
7. Платон. Собр. соч. В 4 т. Т. 1. М., 1990.
8. Платон. Собр. соч. В 4 т. Т. 2. М., 1993.
9. Розин В.М. Кризис личности как отражение кризиса культуры // Мир психологии и психология в мире. 1994. С. 28.
10. Сол Джон Ролстон. Ублюдки Вольтера. Диктатура разума на Западе. М., 2007.
11. Шекли Р. Обмен миров // Шекли Р. Собр. соч. М., 1994. С. 158.
12. Ясперс К. Общая психопатология. М., 2007.